

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-2-37-47

УДК 316.422

РИСК КАК СТРУКТУРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В КОНЦЕПЦИИ «ОБЩЕСТВА РИСКА» УЛЬРИХА БЕКА

Немеров Е.Н.

***Цель.** Статья посвящена актуальной проблеме бытия современного общества, специфической особенностью которого постоянное взаимодействие с рисками. В качестве предмета анализа выступает концепция «общества риска», сформулированная Ульрихом Беком для обозначения специфического способа обращения с неопределённостью. Целью, которую ставит перед собой автор, является анализ содержания ключевых характеристик общества риска в условиях современной социальной действительности.*

***Метод или методология проведения работы.** Основу исследования образуют герменевтический и феноменологический методы.*

***Результаты.** Результаты работы заключаются в том, что автор эксплицирует понятие «общество риска», введённое У. Беком для характеристики современной цивилизации. Постоянная модернизация формирует необходимость рискованного поведения. Риски становятся неотъемлемой частью социальной реальности, так как они являются результатом нормального развития общества, а не каких-либо катаклизмов и «патологий». Поэтому главной специфической особенностью бытия современной цивилизации является её рискогенный характер, так как она сама постоянно порождает риски.*

***Область применения результатов.** Результаты работы могут быть применены в сферах связанных с управлением и прогнозированием рисков в обществе (риск-менеджмент).*

***Ключевые слова:** риск; общество риска; постиндустриальная цивилизация; информационное общество; риск-менеджмент.*

RISK AS A STRUCTURAL ELEMENT OF MODERN CIVILIZATION IN THE “RISK SOCIETY” CONCEPT BY ULRICH BECK

Nemerov E.N.

Purpose. *The article is focused on the problem of existence of the modern society the specific feature of which is the constant interactions with risks. The “risk society” concept formulated by Ulrich Beck to define the specific way of dealing with the uncertainty is under analysis. The aim of the study is to analyze the content of the key characteristics of risk society in the conditions of modern social reality.*

Methodology. *Hermeneutic and phenomenological methods constitute the basis of the research.*

Results. *The author explicates the “risk society” concept introduced by U. Beck to characterize the modern civilization. The constant modernization causes the need for risky behaviour. Risks become the integral part of the social reality as they are the result of the adequate development of the society but not of cataclysms and pathology. Hence, the main specific peculiarity of the existence of the modern civilization is its risk-generating character because it is constantly engendering risks.*

Practical implications. *The results of the work can be applied to the spheres of human activity connected with the risk management and forecasting.*

Keywords: *risk; risk society; post-industrial civilization; information-oriented society; risk-management.*

Специфика существования современной техногенной цивилизации заключается в том, что в процессе своего развития общество постоянно сталкивается с разнообразными новыми вызовами, для формулирования адекватных ответов на которые приходится преодолевать устоявшиеся границы, разрушать традиционные шаблоны и схемы деятельности, применять нестандартный подход к ситуации. Это порождает необходимость рискованного поведения. Имен-

но поэтому одним из наиболее актуальных вопросов науки и философии сегодня является изучение влияния на жизнедеятельность человека и общества явлений и событий, имеющих рискогенный характер, выработка способов обращения с рисками, управления ими. Данная потребность привела к появлению в конце XX века направления, получившего название риск-менеджмент. Немецкий социолог Готтхард Бехманн отмечает: «Современные общества осовременивают своё будущее в качестве риска и тем самым находят собственный специфический способ обращения с неопределённостью, что отличает их от всех предшествующих обществ» [4, с. 75]. Научно-техническое и экономическое развитие приводит к увеличению значения знания, наделение его особой ценностью, его активному использованию для разработки и реализации инноваций, что позволяет говорить о формировании качественно новой роли информации. Становление информационного общества приводит к существенным изменениям социального ядра, базирующегося на постоянном производстве и использовании информации. В этих условиях появляются новые онтологические и методологические проблемы, так как результат использования знания может быть как положительным, так и отрицательным (а предсказать это чрезвычайно сложно), что порождает риск его применения.

Понятие «общество риска» в научный оборот было введено немецким социологом Ульрихом Беком. С его помощью исследователь характеризует специфику существования современной цивилизации, которая эволюционировала к этому состоянию от стадии индустриальной модернизации. «Он утверждает, что в эпоху индустриального общества риск рассматривался как результат недостаточного развития технологий и научных знаний или неэффективностью их использования. Концепт знания характеризуется неполнотой, незавершённой, линейностью и однозначной детерминированностью, что само по себе несёт риски. В современном мире риск начинает пониматься как результат избыточности научно-технического прогресса... Чем фундаментальнее открытие, тем значительнее риски, связанные с ним» [1, с. 199]. Поэтому У. Бек

считает, что современная цивилизация характеризуется переходом от индустриального общества к обществу риска. Источниками рисков являются технологические процессы, развитие которых, совершенствование научной базы не уменьшают и не искореняют опасности, а только увеличивают их. Центрами производства рисков являются не только промышленные предприятия, но и экономическая, социальная, политическая сферы жизни общества, которое во всё возрастающих объёмах производит не только богатства, но и риски [3, с. 14].

Осознание риска, стремление к его преодолению, анализ его причин и последствий характеризуется парадоксальным отношением к науке. Это выражается в том, что, с одной стороны, её критикуют за то, что увеличение рискогенности социума является результатом научного развития. С другой стороны, её рассматривают как основной инструмент для восприятия и преодоления рисков. У. Бек отмечает, что «сознание риска нельзя считать ни традиционным, ни любительским, оно в значительной мере определяется наукой и ориентируется на неё» [3, с. 88]. Обыденное мышление далеко не всегда способно видеть скрытую причинно-следственную связь между разнесёнными во времени и пространстве событиями, к тому же многие явления не поддаются непосредственному восприятию и доступны только теоретическому осмыслению. Практика говорит о том, что часто существует временная дистанция, которая отделяет предположение «о негативном воздействии и реальным решением», в течение этого времени будет «в ещё большей степени расширяться круг тех, кто подвергается опасности» [6, с. 17]. Простого опыта практической деятельности в этих условиях явно не достаточно для полноценного выявления рисков и всего, что с ними связано, поэтому в качестве основного органа их восприятия должна выступать наука, так как «никто не может знать о рисках, пока знание будет добываться опытным путём» [3, с. 88]. Источники опасностей и они сами могут быть недоступны ощущениям субъектов, поэтому «химические формулы и реакции, невидимые вредные вещества, биологические круговороты и цепи реакций должны подчинить

себе зрение и мышление» [3, с. 88], что возможно сделать благодаря научному познанию.

Рассматривая специфику современных технологических рисков, профессор Армин Грунвальд выделяет следующие характерные для них особенности:

- обширный спектр неблагоприятных последствий вплоть до глобальных (например, распространение аэрозолей в атмосфере или океанах);
- возрастание длительности технологического воздействия (например, из-за устойчивости химикатов);
- безмерное увеличение числа людей, подверженных возможным опасностям, вплоть до всего современного и будущего человечества;
- отсроченные эффекты: часто ощутимый ущерб может проявиться только через десятки лет (примерами являются история с хлорфторуглеродами, разъедающими озоновый слой);
- трудности с выяснением причинной связи ввиду весьма сложной и трудновоспроизводимой цепи событий (пример: «коровье бешенство» – коровья губчатая энцефалопатия);
- недостаток или даже отсутствие способности воспринимать опасность с помощью человеческих органов чувств (например, в случае радиоактивного излучения);
- размывание ответственности вследствие сложных причинно-следственных связей и большого числа действующих в технологических процессах лиц;
- необратимость рисков (например, генетически измененные организмы после их возвращения в природную среду уже не могут полноценно ассимилироваться с ней вновь);
- отсутствие точного знания о возможных неблагоприятных последствиях или масштабах возможного ущерба [7, с. 57].

Разнообразные материальные блага и богатства – это потребляемые и познаваемые в результате опыта феномены, в то время как источники вреда здоровью человека или природе часто остаются недоступны для чувственного восприятия. За видимым челове-

ку миром скрывается вторая действительность, угрозы которой не воспринимаются непосредственно. Невозможность ощущать невидимые источники и причины рисков с помощью органов чувств, порождает в обыденном сознании мифологические интерпретации явлений, что способствует популярности паранауки в современном обществе. Мир современных опасностей невидим. У. Бек отмечает: «Непосредственному наслаждению радостям жизни, простому существованию пришёл конец» [3, с. 89]. В этой ситуации на первый план выдвигается ориентация на незримое. Сознание современного человека оказалось сходным с первобытным сознанием, в котором место невидимых духов и богов заняли разнообразные вредные вещества и излучения, против каждого из которых должны существовать свои «заклинания» и «ритуалы уклонения». Данное положение дел приводит к формированию страха перед незримыми, невидимыми опасностями, который становится базой общественной солидарности.

В индустриальной цивилизации до середины XX века целью развития общества являлось распределение ресурсов и производство материальных благ, что обуславливало ориентацию на преодоление бедности, основой единства выступали рыночные интересы, движущая сила развития иллюстрировалась фразой «Я хочу есть». Предмет устремлений, в качестве которого выступали материальные богатства, являлся познаваемым на практике. В постиндустриальном мире «движущая сила общества риска выражается фразой: «Я боюсь!»». Место общности нужды занимает общность страха. Тип общества риска маркирует в этом смысле эпоху, в которой возникает и становится политической силой общность страха» [3, с. 60]. Изначальное распределение рисков в классовом обществе обратно пропорционально – у элиты сосредотачивается богатство, в то время как уделом нижних слоёв становятся риски. Но в условиях глобализации, отмечает У. Бек, «риски распространяясь, несут в себе социальный эффект бумеранга: имеющие богатство и власть тоже от них не застрахованы» [3, с. 45]. В итоге, они наступают и те слои, которые их порождают.

Страх перед опасностью далеко не всегда приводит к осознанию риска, а порождает его отрицание. У. Бек пишет: «С ростом опасно-

сти растёт и вероятность её непризнания, преуменьшения серьёзности ситуации» [3, с. 91]. Это, в свою очередь, не снимает проблемы, а только усиливает её, так как не только принятие решения о противодействиях опасностям рискованно, но и отказ от этого генерирует новые проблемы, которые также требуют решения. Если от нужды или голода невозможно было дистанцироваться или отвлечься, так как их можно было только удовлетворить, то страхи, порождаемые рисками, общество склонно переносить в другое русло, но это тоже не способствует их разрешению. Сложность осознания масштабов какой-либо опасности может являться причиной успокоения или беспокойства. Слабая причина может порождать сильное беспокойство в обществе из-за незнания её размеров и наоборот. Развивая идеи У. Бека, Никлас Луман отмечает, что общество устроено таким образом, что его функционирование полностью зависит от рисков. В этих условиях важными социальными вопросами являются проблемы принятия решений, учёта рисков вытекающих из них, также вопросы необходимости выбора рисков, обусловленных социальными причинами [8, с. 156–157].

Характерной чертой для социума является формирование в общественном сознании представлений о том, что виноваты не сами опасности, а те, кто говорит о них, создавая беспокойство. Поэтому, как отмечает У. Бек, «неуловимость угрозы и беспомощность перед ней способствует распространению радикальных и фанатичных настроений и политических течений, которые делают социальные стереотипы и подверженные им группы населения «громоотводами» опасностей, скрытых от непосредственного восприятия и воздействия» [3, с. 92].

Основой нормального функционирования индустриального общества являлось преодоление материальной нужды и избегание социального провала, что предполагало получение хорошего образования и успешную карьеру. Общество риска добавило к этому способность предвидеть опасности, умение обращаться с ними. Именно преодоление рисков и страхов с ними связанных становится ключевой потребностью, так как «в обществе риска обхождение со страхом и неуверенностью становится в биографическом и по-

литическом плане ключевой цивилизационной квалификацией, а выработка соответствующих способностей – существенной задачей педагогических учреждений» [3, с. 93].

В этих условиях риски становятся инструментом, который политики используют для манипуляции массовым сознанием, так как «экологические и медицинские последствия могут быть гипотетическими, их можно по желанию оправдывать, представлять в безобидном свете или драматизировать» [3, с. 91]. Данная позиция власть имущих или тех, кто к ней стремится, приводит к тому, что общество балансирует на грани кризиса.

У. Бек делает вывод, что общество риска – это общество катастроф, потому что в нём чрезвычайное положение способно стать нормой жизни [3, с. 96]. Риски являются результатом его нормального развития, а не следствием каких-либо отклонений. С этой точки зрения, они являются одним из системообразующих принципов современного общества, составляют его сущность, ими «наделяет нас само развитие цивилизации» [3, с. 26]. У. Бек утверждает: «Риски порождаются индустриальными, то есть технико-экономическими решениями и соображениями полезности. Современные риски отличаются от разрушений, порожденных войной, их «нормальным» или, точнее, их «мирным» рождением (производством) в центрах рациональности и процветания, с благословения и при гарантиях закона и социального порядка» [3, с. 98]. Поэтому, развивая идеи У. Бека, Энтони Гидденс отмечает, что неотъемлемыми структурными элементами постиндустриальной цивилизации выступают риски. Рискогенности способствуют переизбыток в обществе знаний о рисках и несовершенство методов противодействия им. Глобализация современного мира приводит к росту числа взаимосвязанных друг с другом результатов принятия решений или отказа от этого, что также приводит к увеличению рискогенности [5, с. 111–117]. У. Бек говорит, что в этих условиях формируется «организованная безответственность», так как риск является обезличенной институциональной структурой, «что не может быть речи ни о какой её ответственности, даже перед самой собой» [2, с. 35].

Социальная динамика, предполагающая постоянную модернизацию, формирует постоянное взаимодействие общества с разнообразными угрозами и опасностями, результатом чего являются риски. В итоге, общество само постоянно их генерирует. Они не являются следствием каких-либо исключительных явлений, а постоянно воспроизводятся в политической, экономической, социальной сферах жизнедеятельности, и возникают как результат принятия решений. Например, в сфере образования России социально-политические риски порождаются изменением в законодательной сфере (частая смена образовательных стандартов), изменением условий финансирования, реорганизацией самой системы образования. Риск является результатом систематического взаимодействия социума с разнообразными опасностями и угрозами, которые порождаются процессом модернизации. Иллюстрацией этого утверждения является формирование постоянно действующих государственных и негосударственных структур в разных странах, одной из задач которых является риск-менеджмент. В качестве примера подобного органа можно назвать Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС России). Для деятельности таких учреждений практическая значимость теории «общества риска» крайне велика. Современная социальная реальность констатирует то, что дистанцироваться от рисков невозможно, поэтому главная цель бытия в этих условиях – это научиться их прогнозировать, минимизировать и управлять ими. На основании анализа теории «общества риска» У. Бека, можно сделать вывод, что увеличение потока информации, роли знания и внедрение передовых технологий приводят к увеличению многообразия рисков, которые являются следствием нормального развития. В итоге, синонимом понятия «общество знания», которым обозначается постиндустриальная цивилизация, становится «общество риска». Анализ концепции немецкого философа и реальная социальная действительность свидетельствуют о том, что риски в различных сферах используются в качестве инструмента

для манипуляции массовым сознанием и других политических целей, что ставит общество на грань кризиса.

Список литературы

1. Алиева Н.З., Калинина Н.А., Кун-си-цин В.А. Трансформация общества знаний в общество риска // Успехи современного естествознания. 2012. №6. С. 198–199.
2. Бек У. Космополитическое общество и его враги // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Том VI. №1. С. 24–53.
3. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
4. Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. М.: Логос, 2010. 248 с.
5. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1994. Вып. 5. С. 107–134.
6. Гребенщикова Е.Г. Гуманитарная экспертиза в «обществе риска» // Личность. Культура. Общество. 2011. Т. XIII. Вып. 2 (№№ 63–64). С. 15–21.
7. Грунвальд А. Наночастицы и принцип предосторожности // Философские науки. 2010. № 6. С. 54–69.
8. Луман Н. Понятие риска // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1994. Вып. 5. С. 135–160.

References

1. Alieva N.Z., Kalinina N.A., Kun-si-tsin V.A. Transformatsiya obshchestva znaniy v obshchestvo riska [Transformation of a knowledge society into a risk society]. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya* [Advances in current natural sciences], no 6 (2012): 198–199.
2. Beck U. Kosmopoliticheskoe obshchestvo i ego vragi [The cosmopolitan society and its enemies]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], vol VI, no 1 (2003): 24–53.
3. Beck U. *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modern* [Risk Society: Towards a New Modernity]. Moscow: Progress-Traditsiya, 2000. 384 p.

4. Bechmann G. *Sovremennoe obshchestvo: obshchestvo riska, informativnoye obshchestvo, obshchestvo znaniy* [Modern society: risk society, information society, knowledge society]. Moscow: Logos, 2010. 248 p.
5. Giddens A. Sud'ba, risk i bezopasnost' [Fate, risk and security]. *THESIS: teoriya i istoriya ekonomicheskikh i sotsial'nykh institutov i sistem* [THESIS: theory and history of economic and social institutions and systems], no 5 (1994): 107–134.
6. Grebenschikova E.G. Gumanitarnaya ekspertiza v «obshchestve riska» [Humanitarian expertise in «risk society»]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo* [Personality. Culture. Society], vol XIII, issue 2, no 63-64 (2011): 15–21.
7. Grunwald A. Nanochastitsy i printsip predostorozhnosti [Nanoparticles and principle of precaution]. *Filosofskie nauki* [Philosophical sciences], no 6 (2010): 54–39.
8. Luhmann N. Ponyatie riska [The concept of risk]. *THESIS: teoriya i istoriya ekonomicheskikh i sotsial'nykh institutov i sistem* [THESIS: theory and history of economic and social institutions and systems], no 5 (1994): 135–160.

ДАНИЕ ОБ АВТОРЕ

Немеров Евгений Николаевич, доцент кафедры философии, кандидат философских наук, доцент
*Курский государственный медицинский университет
ул. Карла Маркса, 3, г. Курск, Курская область, 305041, Российская Федерация
eugenenn@yandex.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Nemerov Evgeniy Nicolaevich, Associate Professor of the Department of Philosophy, PhD. in Philosophy, Docent
*Kursk State Medical University
3, Karl Marks Str., Kursk, Kursk Region, 305041, Russian Federation
eugenenn@yandex.ru*